

Сизюхина Клавдия Валерьевна

*специалист 1-й категории Web-лаборатории
филологического факультета,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
klasizz@yandex.ru*

DOI: 10.15393/j10.art.2014.8

МЫСЛЬ СЕМЕЙНАЯ И РОДОВАЯ В ДНЕВНИКАХ А. М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация: Статья целенаправленно знакомит с наиболее интересными фрагментами дневников Андрея Михайловича, которые помогут читателю по-новому взглянуть на уже знакомые персоналии из семейно-родовой хроники Достоевских. На страницах дневников встречаются портретные зарисовки Ф. М. Достоевского, В. М. Достоевской, А. М. Достоевской, А. Г. Достоевской, Л. Ф. Достоевской и т. д. Психологические наблюдения, сделанные автором в отношении круга близких ему людей, преобразуют частный домашний хронотоп дневникового повествования в общеродовой: отталкиваясь от собственной семейной истории, Андрей Михайлович параллельно рисует картину бытования целого рода Достоевских. Также читателю будут небезынтересны упоминания о персоналиях, которые ранее не фигурировали в энциклопедических документах, посвященных анализу семейного древа Достоевских. В частности, в одном из дневниковых эпизодов появляется имя некоей Анны Достоевской, вероятно, одной из двенадцати сестёр М. А. Достоевского (отца), доселе не получившее своё освещение.

Ключевые слова: дневник, А. М. Достоевский, Ф. М. Достоевский, М. М. Достоевский, В. М. Достоевская, А. М. Достоевская, А. Г. Достоевская, Л. Ф. Достоевская, М. М. Владиславлева, род, семья, персоналии, жанр, стиль, хронотоп, Даровое

Я, голубчикъ братъ, хотѣлъ бы тебѣ высказать,
что съ чрезвычайно радостнымъ чувствомъ
смотрю на твою семью. Тебѣ одному кажется
досталось съ честью [продолжать]¹ вести родъ нашъ <...>
(Из письма Ф. М. Достоевского к А. М. Достоевскому
от 13 марта 1876 г.)²

Дневники А. М. Достоевского охватывают период с 7 ноября 1884 года по 18 октября 1896 год. Ранее они не были представлены широкой публике и до сегодняшнего момента оставались закрытым нерасшифрован-

ным источником. Читательская аудитория была знакома лишь с «Воспоминаниями» Андрея Михайловича, впервые в неполном объеме опубликованными в 1930 году и затем пережившими несколько таких же сокращенных переизданий. С 2004–2006 гг. коллективом web-лаборатории филологического факультета Петрозаводского университета предпринята попытка реконструкции рукописных материалов Андрея Михайловича. Именно тогда началась работа по восстановлению печатных лакун «Воспоминаний», результатом которой стала их аутентичная публикация³. Наряду с изучением мемуарного наследия А. М. Достоевского, наиболее значимые эпистолярные образцы также подверглись детальному текстологическому исследованию и пополнили электронную научную базу архивных документов А. М. Достоевского⁴. В текущем 2014 году Web-лаборатория приступила к расшифровке дневников Андрея Михайловича⁵.

Стоит отметить, что дневниковые заметки о посещении А. М. Достоевским Дарового ранее получили свое освещение в статье проф. В. А. Викторovichа «Экспедиция в Даровое (2005)» [1]. На основании данных записей Владимир Александрович воссоздает архитектурную и бытовую картину прежнего Дарового, куда Достоевские так любили приезжать детьми. Впрочем, об успехах предпринятой В. А. Викторovichем научной экспедиции и роли дневников Андрея Михайловича в указанном исследовании мы поговорим отдельно, при обращении к соответствующим дневниковым цитациям.

Работа по расшифровке оставшихся дневников будет продолжаться. Мы надеемся, что читатель сможет разглядеть за нарочитой стилистической сдержанностью дневниковых текстов А. М. Достоевского их биографическую и документальную уникальность, по-новому взглянуть на уже знакомые персоналии из семейно-родовой хроники Достоевских. Возможно, некоторые личностные оценки (в первую очередь, отрицательного свойства), данные Андреем Михайловичем, вызовут у читателя противоречивые эмоции – от молчаливого скептического несогласия до выразительного протеста. В связи с этим хочется напомнить слова Андрея Андреевича, сына А. М. Достоевского, прозвучавшие в преамбульном комментарии к первому изданию «Воспоминаний»: «Возвращаясь к воспоминаниям Андрея Михайловича, мы должны указать на некоторые характерные свойства автора, а именно: на его кристальную честность, правдивость, аккуратность и точность»⁶. Андрей Михайлович никогда намеренно не прибегает к деструктивным приёмам создания образа с целью «очернения» или профанации кого-либо из круга близких ему людей. Подобных негативных ремарок на страницах дневников встречается не так уж и много, но в силу своей изобразительной эмоциональности они выбиваются из привычного сдержанного ритма повествования, и поэтому оказываются яркими психологическими наблюдениями.

Жанровая специфика дневников А. М. Достоевского подразумевает их явную семейно-бытовую направленность. Эту мысль подтверждает и тот факт, что свои дневники Андрей Михайлович никогда не наделяет сугубо конфиденциальным значением. Они всегда ориентированы на адресата – в собирательном виде домашний близкий круг. Прочитируем небольшой фрагмент из вступления к «Воспоминаниям», где автор со всей возможной прозрачностью конкретизирует лицо будущего читателя, адресата: «Конечно эти записки мои будутъ имѣть интересъ, только для близкихъ мнѣ, то есть для жены и дѣтей, но ни для кого больше <...>» (л. 113 об.). В дневниках высказанная авторская установка А. М. Достоевского достигает предельного, абсолютного выражения. На первый взгляд, художественный мир дневниковых материалов Андрея Михайловича заключен границами частной узко семейной сферы. Однако стилистически хронотоп дневников функционирует не только в пределах личной семейной истории автора, но и лежит в плоскости генеалогической, родовой парадигмы Достоевских. Андрей Михайлович спорадически оживляет устоявшийся тематический контекст собственной домашней семейственности эпизодическими реминисценциями и портретными зарисовками, которые дают представление о жизни Достоевских как рода. Подобные повествовательные вкрапления не нарушают единую пространственно-временную структуру дневников, а, напротив, формируют стилистический модус генеалогической мемориальной непрерывности. С этой точки зрения, дневники Андрея Михайловича продолжают и дополняют творческую историю «Воспоминаний», где динамика авторского высказывания выстраивается по принципу поступательного движения от родового летописного бытописания к собственной семейной истории. Дневники же в данном случае экранируют путь художественной коммуникации «Воспоминаний»: отталкиваясь от личных семейных частностей, автор реконструирует хронику целого рода Достоевских.

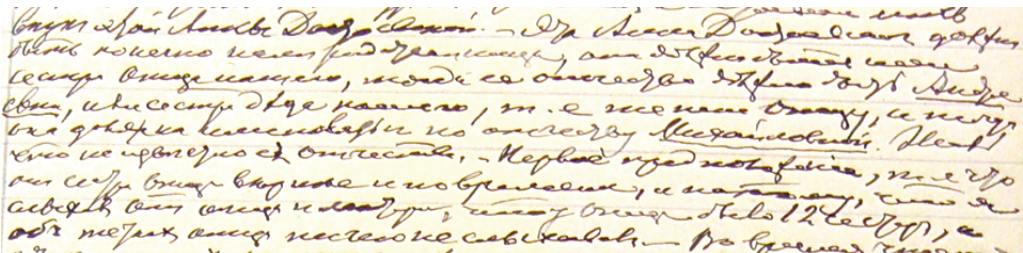
Начнём, пожалуй, с неизвестных фактов, которые не фигурировали в открытых биографических источниках. В дневниковой заметке от 6 июня 1890 года Андрей Михайлович делает следующую запись:

Среда 6го Июня <1890>

2 ½ версты

<...> Домой воротился около 3^ч и засталъ два письма изъ П<етер>бурга, отъ Саши и Андреюшки. Они оба здоровы. Саша обѣщается быть въ Ярославль около 25го Июня. Андреюшка же не прѣдетъ, потому что штатнаго мѣста еще не получилъ. Оба они пишутъ о нѣкоторомъ казусѣ. По газетнымъ объявленіямъ они узнали, что въ П<етер>бургѣ существуетъ нѣкто *Достоевскій* (Булочникъ). Они его разыскали и оказалось, что личность эта дѣйствительно носитъ фамилію Достоевскаго. Онъ разсказалъ имъ слѣдующую исторію. — Давно, т. е. вѣроятно лѣтъ 50-60<,> а можетъ и 70 тому назадъ жилъ помѣщикъ Ѳедоровъ. У жены этаго помѣщика

жила компаніонка нѣкто Анна Достоевская (изъ дворянокъ). Эта Анна Достоевская жившая у Ѳедоровыхъ, вышла замужъ за простолюдина, прикащика Ѳедорова, и чтобы незазорно было ей носить фамилію простолюдина Ѳедоровъ выхлопотала дозволеніе прикащику своему просить (л. 35 об.) фамилію жены. Отъ этаго брака родились сыновья уже Достоевскіе (хотя неизвѣстно, кто дозволилъ носить эту фамилію отцу ихъ). Отъ сыновей тоже сыновья, и вотъ нынѣ обрѣтенный въ П<етер>бургѣ Булочникъ Достоевскій есть внукъ этой Анны Достоевской. — Эта Анна Достоевская должна быть конечно намъ родственница, она должна быть сама сестра отца нашего, тогда ее отчество должно быть *Андреевна*, или сестра дѣда нашего, т. е. тетка отцу, и тогда она должна именоваться по отчеству *Михайловной*. Жаль что не извѣстно ея отчества. — Первое предположеніе, т. е. что она сестра отца вѣрнѣе и по времени, и потому, что я слыхалъ отъ отца и матери, что у отца было 12 сестеръ, а объ теткахъ отца ничего не слыхивалъ. <...> (№ 5, лл. 35 об.-36).

Фрагмент рукописи из дневника А. М. Достоевского 1889–1891 гг., л. 36.

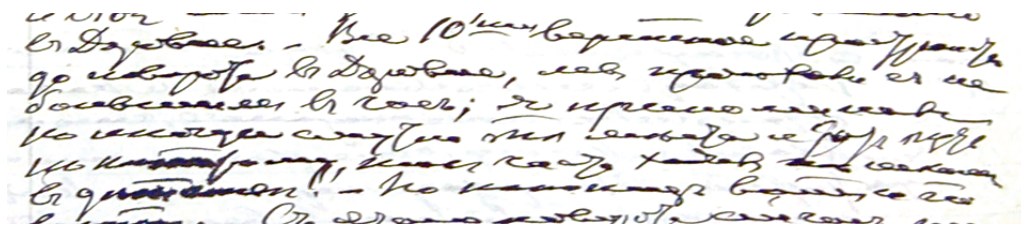
В настоящее время имя Анны Достоевской, жены приказчика, бабки булочника, не рассматривается ни в одном издании, посвященном семейному древу Достоевских⁷. Возможно, в дальнейшем нам удастся дополнить генеалогическую композицию рода Достоевских новым биографическим фрагментом.

Возвращаясь к хорошо знакомым нам персоналиям, подробнее остановимся на обзоре летнего путешествия Андрея Михайловича в Даровое к сестре Вере Михайловне Карепиной, предпринятого им в июле 1887 года совместно с младшим сыном, Андреем. Приведем несколько наиболее ярких фрагментов:

Понедѣльникъ 20го Юля <1887> 13^й день отпуска

<...> Все 10^{ти} верстное пространство до поворота въ Даровое, мы проѣхали съ небольшимъ въ часъ; я припоминалъ<,> но иногда смутно тѣ мѣста и тотъ путь по которому, такъ часто ходилъ пѣшкомъ въ дѣтствѣ! – Но наконецъ вотъ и поворотъ. – Съ этаго поворота сейчасъ же открылось нашимъ глазамъ Даровое, окруженное вѣковою Липовою рощею. Проѣхавъ Иваново озеро (простой небольшой прудъ) мы подѣхали миновавъ перекрестокъ, къ самой деревнѣ, и я

невольно перекрестился, при видѣ той мѣстности въ которой провелъ дѣтство <...> (№ 3, л. 6 об.)

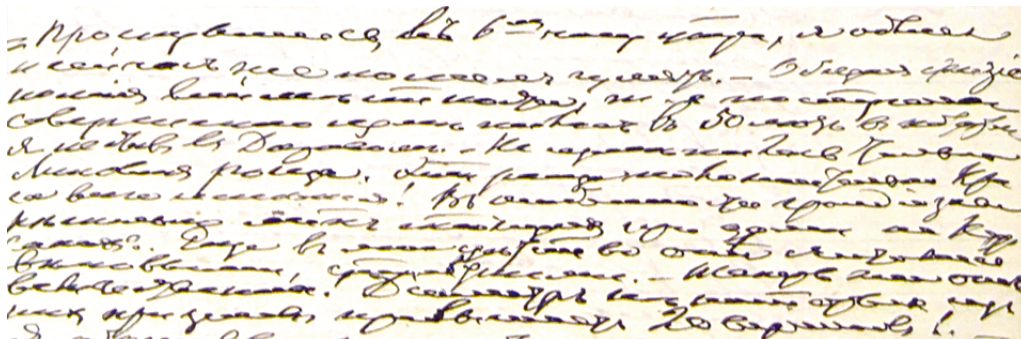
Фрагмент рукописи из дневника А. М. Достоевского 1887-1888 гг., л. 6 об.

Вторникъ 21го Юля <1887>

14^й день отпуска.

Пребываніе въ Даровомъ

<...> Проснувшись въ бмъ часу утра, я одѣлся и сейчасъ же пошелъ гулять. — Общяя фizioномія всей мѣстности, т. е.<> построекъ совершенно измѣнилась въ 50 лѣтъ въ которые я не былъ въ Даровомъ. — Не измѣнилась только Липовая роща. Эта роща положительно краса всего имѣнія! Въ особенности грандіозные нѣсколько липъ стоящихъ при домѣ на курганахъ. Еще въ мое дѣтство они считались вѣковыми, столѣтними. — Теперь же очень величественны! Діаметръ нѣкоторыхъ изъ нихъ при землѣ превышаетъ 20 вершковъ! — Я обошелъ всю рощу, былъ въ саду, въ рощѣ называемой Брыково, и доходилъ до бывшаго пруда, который увы, теперь уже не существуетъ. — Вернулся домой въ 9 часовъ, и напились чаю вдвоемъ съ Вѣрой Михайловной. Молодежь еще спала послѣ вчерашней прогулки. Вскорѣ проснулся Андреюшка, и мы пошли съ нимъ (л. 6 об.) по улицѣ деревни. — Деревня вовсе измѣнилась, дома всѣ не прежніе<,> а болѣе поздней постройки, хотя уже и обветшали. — На деревнѣ я нашелъ нѣсколько стариковъ меня помнящихъ: а именно кормилицу сестры Алекс. Мих. — Алену, и ея деверя Егора Макарова (сына Савина Макарова — старосты); и брата Арины Архипьевны Илью Архипова. — Всѣ эти личности гораздо старше меня; но выглядываютъ гораздо моложе меня. — (№ 3, л. 7)

Фрагмент рукописи из дневника А. М. Достоевского 1887-1888 гг., л. 7.

единственным источником, проливающим свет на устройство и бытование прежнего Дарового, остаются «Воспоминания» А. М. Достоевского.

Во-вторых, благодаря небольшому дневниковому упоминанию Андрея Михайловича о поездке в село Моногарово, исследователи получили указание, где на Моногаровском кладбище был похоронен отец Достоевских, Михаил Андреевич (1789–1839): «Отець похороненъ въ церковной оградѣ; на могилѣ его лежитъ камень безъ всякой надписи и могила окружена деревянною рѣшеткою, довольно ветхою». Поскольку на данный момент в точности определить координаты могилы М. А. Достоевского не представляется возможным, участники экспедиции решили установить рядом с церковью поклонный крест и символическую гранитную плиту как в память об отце Достоевских, так и в знак некогда существовавшего здесь моногаровского погоста: «чтобы не оставался этот уголок земли глухим и немым, чтобы выполнить наконец волю сыновей Михаила Андреевича» [1, 104]. К слову, представляется любопытным наблюдение В. А. Викторovichа о некоторой мистической синхронности дат во времени посещения могилы отца братьями Ф. М. и А. М. Достоевскими. Обе поездки были предприняты 22 июля: только Ф. М. Достоевский совершил ее на 10 лет раньше, в 1877 году, перед началом своей работы над «Братьями Карамазовыми». Уже не одна ли эта хронологическая закономерность свидетельствует о неизбежной интуитивной вовлеченности художественного мира дневников Андрея Михайловича в историю целого рода?

На страницах дневников встречаются интересные портретные зарисовки из галереи семейно-родовых персоналий. Как правило, автор не прибегает к развернутым конструктивным или репродуктивным средствам создания образа. Чаще всего характеристика того или иного лица имеет вид схематичного наброска, эскиза, исключаяющего рельефную психологическую детализацию. Но всё же иногда авторское высказывание содержит в себе эмоциональное оценочное суждение не только позитивного, но и негативного свойства. Ранее в преамбуле к нашей статье мы отмечали, что негативные ремарки, будучи наиболее психологичными, оказывают сильное воздействие на стилистические особенности дневникового текста. Посему процитируем несколько выразительных отрицательных суждений А. М. Достоевского, касающихся сестры Варвары Михайловны и племянницы Любви Федоровны, дочери Ф. М. Достоевского:

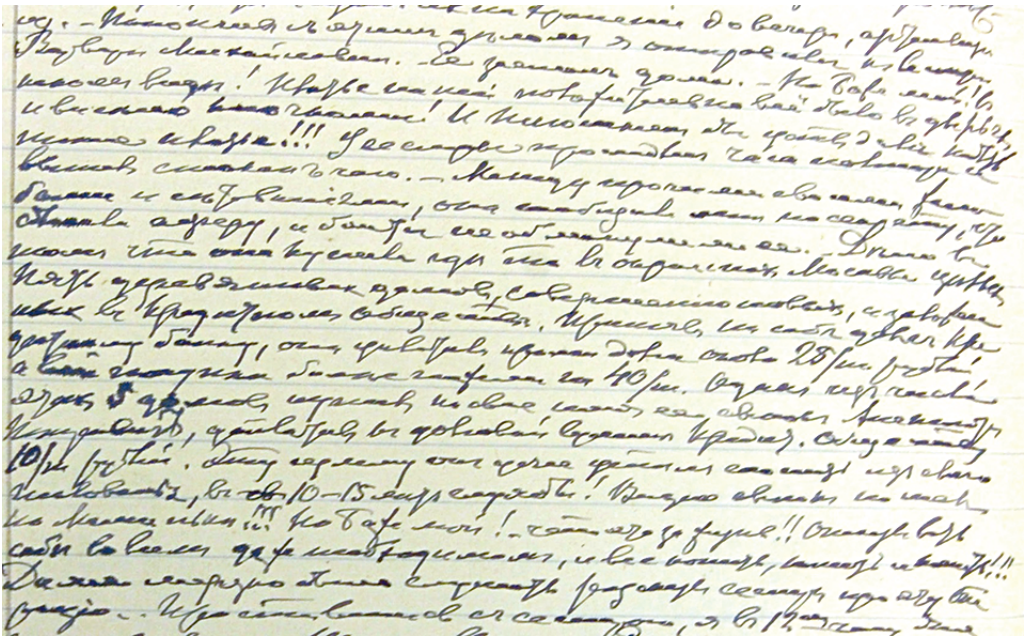
Понедѣльникъ 17^о Апрѣля <1889>

Москва

Выѣздъ въ Ярославль.

Проснулся передъ Клиномъ, гдѣ напился кофе. – Въ 8 ½ часовъ по московскому времени поѣздъ нашъ, нисколько не опоздавши пріѣхалъ въ Москву. – Сейчасъ же я взялъ носильщика и перенесъ всѣ свои вещи и багажъ въ Ярославскій вокзалъ, гдѣ и сдалъ ихъ на храненіе до вечера, артельщику. – Покончивъ съ

этимъ дѣломъ я отправился къ сестрѣ Варварѣ Михайловнѣ. – Ее засталъ дома. – Но Боже мой! Въ какомъ видѣ! Платье на ней положительно всё было въ дыряхъ, и висѣло клочками! И Плюшкинъ бы устыдился надѣтъ такое платье!!! У сестры просидѣлъ часа полтора и выпилъ стаканъ чаю. – Между прочими своими жалобами и сѣтованіями, она сообщила мнѣ по секрету, что сдѣлала аферу, и боится не обманули ли ее. – Дѣло въ томъ что она купила гдѣ то въ окраинахъ Москвы цѣлыхъ пять деревянныхъ домовъ, совершенно новыхъ, и заложенныхъ въ Кредитномъ Обществѣ. Принявъ на себя долгъ Кредитному Банку, она уплатила кромѣ долга около 25/т. рублей, а всей покупки болѣе нежели на 40/т. Одинъ изъ числа этихъ 5 домовъ купилъ на свое имя ее сынокъ Александръ Петровичъ, доплативъ къ долговой суммѣ Кредит. Обществу 10/т. рублей. Эту сумму онъ уже успѣлъ скопить изъ своего жалованья, въ [св] 10-15 лѣтъ службы! Видно сынокъ пошелъ по маменькѣ!!! Но Боже мой! – что это за жизнь!! Отказывать себѣ во всемъ даже необходимомъ, и все копить, копить и копить!!! Даже мерзко было слушать рассказы сестры про эту операцію <...> (№ 4, л. 55 об.)

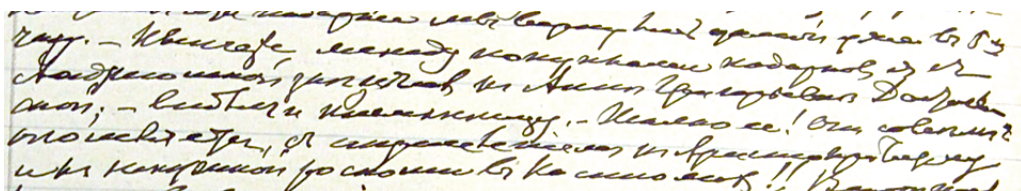
Фрагмент рукописи из дневника А. М. Достоевского 1888-1889 гг., л. 55 об.

Видимо, не легко было Андрею Михайловичу смириться с тем обстоятельством, что та самая нежно любимая им сестра Варвара Михайловна, которая поддерживала его в юношеские годы, превращается в расчетливую и скупую стяжательницу. Сильными ещё оставались воспоминания автора о днях, проведенных им в Петербурге, когда он был отдан на поруки старшему брату Федору для подготовки к поступлению в училище военных инженеров. Именно тогда Андрей Михайлович впервые соприкоснулся с художественной эсте-

тикой дневниковой формы письма. Он начал вести некоторое эпистолярное подобие дневника, день за днем регулярно фиксируя свои петербургские впечатления и адресуя их сестре Варе: «<...> я почти ежедневно описывалъ свои впечатлѣнія адресуя ихъ къ сестрѣ Варинькѣ и мужу ея, но хотя я и писалъ ежедневно, но письма отсылалъ однажды въ недѣлю, по нѣскольку листиковъ за разъ <...>» (л. 212). Как мы видим, в дальнейшем доверительные и теплые отношения между братом и сестрой разладились, хотя Андрей Михайлович, будучи проездом в Москве, непременно навещал сестру Варвару Михайловну и в письмах регулярно справлялся о её семейных делах.

**Пятница [8]/7го Апрелья <1889>
6^й день въ П<етер>бургѣ**

<...> Нынче же между покупками подарковъ я съ Андреюшкой заѣзжалъ къ Аннѣ Григорьевнѣ Достоевской; — видѣлъ и племянницу. — Жалко ее! Она совсѣмъ опошляется, съ стремленіемъ къ аристократизму и къ ненужной роскоши въ костюмахъ!! <...> (№ 4, л. 53 об.)

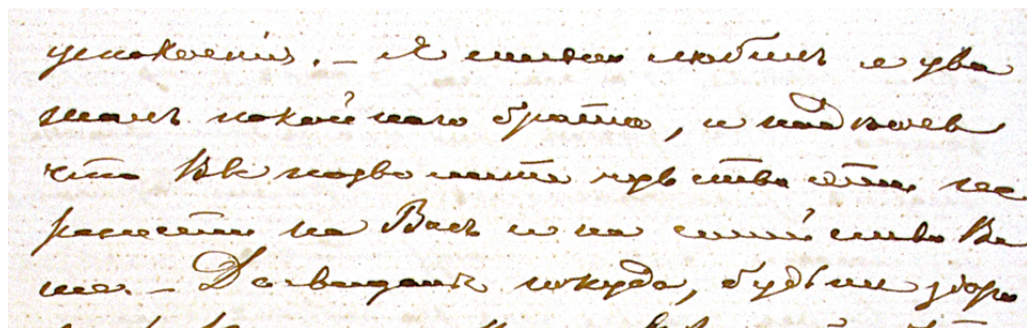

Фрагмент рукописи из дневника А. М. Достоевского 1888–1889 гг., л. 53 об.

Интересно, что при самой искренней любви к Федору Михайловичу, А. М. Достоевский не был столь близок с семьей покойного брата. К примеру, Анна Григорьевна Достоевская в глазах Андрея Михайловича получает довольно прохладную, даже в некотором роде ироническую оценку. Автор подчеркивает необычайную «говорливость» А. Г. Достоевской: «неожиданно пріѣхала Анна Григорьевна Достоевская, чтобы сообщить мнѣ о какихъ то новыхъ расчетахъ по имѣнію. Она какъ высказалась пріѣхала на крошечную минутку; но просидѣла часа 1 ½ не умолкая говоря; и задержала Рыкачевыхъ отъ посѣщенія Церкви» (№ 2, л. 60 об.), «Въ это же время т. е. около 2^х пріѣхала Анна Григорьевна Достоевская, и просидѣла у насъ до 4^х <,> когда воротился изъ обсерваторіи Мих. Алекс. — Обыкновенно Анна Григорьевна всё время безъ умолку проговорила» (№ 2, л. 45 об.), «Вернулся домой въ 4^{мѣ} часу и засталъ дома письмо отъ Анны Григорьевны Достоевской, запоздалое привѣтственное. — Письмо очень слащавое и на словахъ хорошее!» (№ 4, л. 38).

Однако не будем забывать о сочувственном ободряющем письме А. М. Достоевского, адресованном Анне Григорьевне после смерти Федора Михайловича, в котором он с неподдельной заботой и деликатностью вы-

казывал семье брата всяческую поддержку и участие: «Извините дорогая моя Анна Григорьевна, что пишу это письмо только теперь; — но я думалъ, что въ первое время оно болѣе потревожило бы Васъ; теперь же когда, первая боль, хотя нѣсколько притупилась, пишу Вамъ эти строки, съ полнымъ пожеланіемъ, возможно скорѣйшаго (л. 2) успокоенія. — Я сильно любилъ и уважалъ покойнаго брата, и надѣюсь что Вы позволите чувства эти перенести на Васъ и на семейство Ваше»⁸.

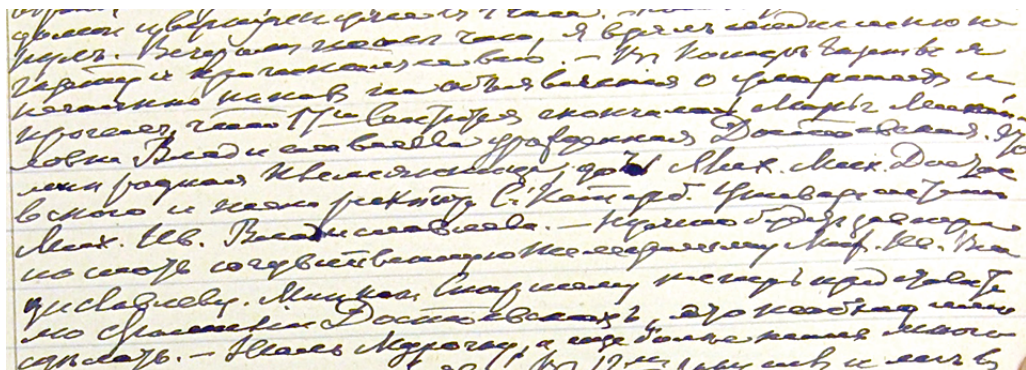

Фрагмент письма А. М. Достоевского к А. Г. Достоевской от 6 февраля 1881 г., л. 2 об.

Вообще, на тот момент Андрей Михайлович оказался единственным оставшимся в живых из всех братьев Достоевских. Он в полной мере ощущает всю возложенную на него миссию по объединению и хранению рода. Здесь вновь прослеживается духовная преемственность двух братьев Андрея и Федора. Внутренняя эмпатия, бескорыстное стремление к взаимопомощи, умение брать ответственность за близких ему людей роднит Андрея Михайловича и Федора Михайловича. Вспомним, как последний абсолютно бескорыстно принял на себя тяготы по опеке и устройству семьи старшего брата. Точно так же Андрей Михайлович воспринимает и свое предназначение. Вот какой комментарий А. М. Достоевский оставил в дневнике, узнав о смерти племянницы М. М. Владиславлевой, дочери Михаила Михайловича (запись от 20 сентября 1888 года):

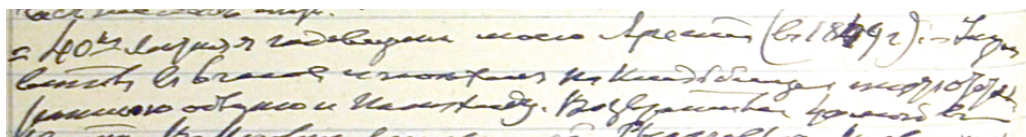
Вторникъ 20го Сентября <1888>

Вечеромъ послѣ чаю, я взялъ сегодняшнюю <Так в рукописи. — Ред.> газету и прочиталъ ее всю. — Въ концѣ газеты я нечаянно попалъ на объявленія о умершихъ и прочелъ, что 17го Сентября скончалась Марья Михайловна Владиславлева урожденная Достоевская. Это мнѣ родная племянница, дочь Мих. Мих. Достоевскаго и жена ректора С. Петерб. Университета Мих. Ив. Владиславлева. — Нужно будетъ завтра послать сочувственную телеграмму Мих. Ив. Владиславлеву. Мнѣ какъ старшему теперь представителю фамилии Достоевскихъ, это необходимо сдѣлать (курсив наш. — К. С.)» (№ 4, л. 17 об.)

Фрагмент рукописи из дневника А. М. Достоевского 1888-1889 гг., л. 17 об.

В одном из дневников автор акцентирует внимание на знаменательной для себя дате – 40-летию со дня ареста в 1849 году, тем самым косвенно воскрешая в памяти образ старшего брата. Правда, далее Андрей Михайлович не обрамляет эту запись какими-либо дескриптивными подробностями, но сопровождает ее одной важной деталью – сообщением о посещении кладбища (могилы жены Домники Ивановны) и совершенных там панихиде и обедне: «Воскресенье 23 Апрелья. 40^{кв} лѣтняя годовщина моего Ареста (въ 1849 г.). Утромъ всталъ въ 6 часовъ и поѣхалъ на кладбище; тутъ отстоялъ раннюю обѣдню и панихиду<...>» (№ 4, л. 56 об.).

Фрагмент рукописи из дневника А. М. Достоевского 1888-1889 гг., л. 56 об.

Данный эпизод вполне можно трактовать в том же духе семейно-родовой взаимообратимости. Личная боль Андрея Михайловича от утраты жены корреспондирует с чувством тоски от утраты брата, то есть многообразная хроникальная история Достоевских вновь выстраивается в четкий генеалогический вектор. Столь же лаконичная формулировка рассматриваемого события, вероятно, объясняется естественным нежеланием А. М. Достоевского возвращаться к деталям того рокового дня (пусть даже и на страницах интимного дневника), когда его по ошибке вместо Михаила Михайловича на 13 дней заключили под стражу в Петропавловскую крепость. Позднее развернутое описание случившегося Андрей Михайлович представил в своих «Воспоминаниях».

Без сомнения, одним из центральных в дневниках Андрея Михайловича является эпизод, посвященный смерти младшей сестры Александры Михайловны Шевяковой (запись от 3 ноября 1889 г.):

Пятница 3го Ноября <1889>
-1^о морозу

<...> Въ Губернскомъ Правленіи я пробыль до 3^х и вернувшись домой, былъ обрадованъ заставъ письмо [отъ] съ надписью на конвертѣ сдѣланною Женичкою. — Пока я раздѣвался, то пріятно помышляль, о томъ что прочту что нибудь пріятное, но распечатавъ письмо прочель не пріятное, - но весьма горестное для меня извѣстіе о томъ, что сестра моя Александра Михайловна (Шевякова <В рукописи было: Шевекова — Ред.>) послѣ кратковременной болѣзни, - скончалась!!! Это извѣстіе меня очень поразило и опечалило, и я искренно всплакнуль прочитавъ это горестное извѣстіе!!! Сестра Саша была еще не стара, ей всего 54 года. Она была по виду полна силъ и здоровья, и вдругъ она умерла (31^о Октября). Еще 40 дней не прошло по смерти ея мужа Владиміра Васильевича (†26го Сентября), и вотъ она отправилась туда же!!! Женичка пишетъ что у нея была сахарная болѣзнь, которая приняла смертельный оборотъ, вскорѣ послѣ смерти ея мужа. — [Нынче]/Завтра/ 4^о Ноября ее хоронять! Упокой Богъ ее Душу! Да! убываетъ насъ. Изъ числа семерыхъ насъ единокровныхъ и единоутробныхъ осталось только трое, я, и двѣ сестры Варв. и Вѣра Михайловны! За кѣмъ теперь очередь?! - Всѣ послѣ объѣда и весь вечеръ, я продумаль только объ сестрѣ и ея смерти!! (курсив наш. — К. С.) (№ 5, л. 1 об.)

Въ Губернскомъ Правленіи я пробыль до 3^х и вернувшись домой, былъ обрадованъ заставъ письмо [отъ] съ надписью на конвертѣ сдѣланною Женичкою. — Пока я раздѣвался, то пріятно помышляль, о томъ что прочту что нибудь пріятное, но распечатавъ письмо прочель не пріятное, - но весьма горестное для меня извѣстіе о томъ, что сестра моя Александра Михайловна (Шевякова <В рукописи было: Шевекова — Ред.>) послѣ кратковременной болѣзни, - скончалась!!! Это извѣстіе меня очень поразило и опечалило, и я искренно всплакнуль прочитавъ это горестное извѣстіе!!! Сестра Саша была еще не стара, ей всего 54 года. Она была по виду полна силъ и здоровья, и вдругъ она умерла (31^о Октября). Еще 40 дней не прошло по смерти ея мужа Владиміра Васильевича (†26го Сентября), и вотъ она отправилась туда же!!! Женичка пишетъ что у нея была сахарная болѣзнь, которая приняла смертельный оборотъ, вскорѣ послѣ смерти ея мужа. — [Нынче]/Завтра/ 4^о Ноября ее хоронять! Упокой Богъ ее Душу! Да! убываетъ насъ. Изъ числа семерыхъ насъ единокровныхъ и единоутробныхъ осталось только трое, я, и двѣ сестры Варв. и Вѣра Михайловны! За кѣмъ теперь очередь?! - Всѣ послѣ объѣда и весь вечеръ, я продумаль только объ сестрѣ и ея смерти!! (курсив наш. — К. С.) (№ 5, л. 1 об.)

Данный фрагмент ещё раз демонстрирует нам высокий уровень осознания А. М. Достоевским своего статуса хранителя семейно-родовых ценностей. Тётушка Александра Фёдоровна Куманина, передавая в дар Андрею Михайловичу памятные семейные реликвии — портретные миниатюры прадеда Михаила Федоровича Котельницкого и бабушки Варвары Михайловны Котельницкой, высказывает схожую мысль: «<...> ты умѣешь беречьъ и цѣнить вещи, въ особенности относящіяся до своихъ родныхъ» (л. 118 об.).

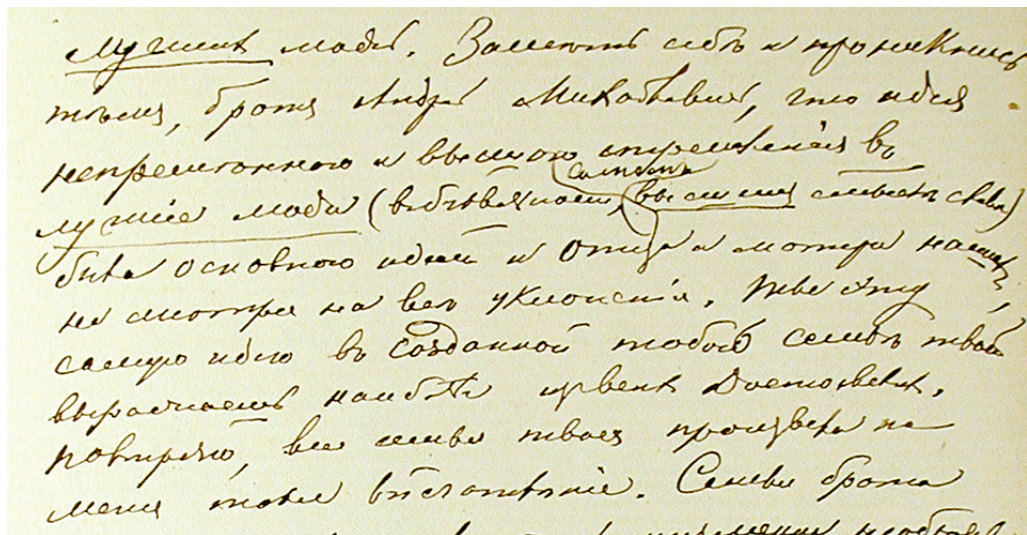
Действительно, этическая чуткость и аккуратность в обращении с семейными реликвиями всегда были свойственны Андрею Михайловичу. К примеру, в «Воспоминаниях» встречаются и другие ремарки на тему вещественной семейно-родовой преемственности: упоминания о единственном доставшемся Андрею Михайловичу от отца «осколке памяти» (потому особенно дорогим) бритве; о фотокопиях с портретов родителей в доме Варвары Михайловны, столь своевременно сделанных автором ещё до разрушительного, уничтожившего подлинники пожара; о телескопе покойного дяди Александра Алексеевича, который тот собственноручно передал в дар любимому племяннику. В этом отношении А. М. Достоевский напоминает Анну Григорьевну, которая также умела беречь семейные артефакты. В дневниковой записи от 28 февраля 1889 г. читаем: «Утромъ написаль письмо къ Рыкачевымъ. — Еще въ воскресенье я вспомнилъ, что у меня должны быть гдѣ нибудь въ сундукѣ нѣсколько штукъ маленькихъ бриллиантовъ оставшихся отъ подарка Тетушки въ 1864 году. Порывшись въ сундукъ, я нашель ихъ въ числѣ 12 штукъ въ той же самой аптечной коробкѣ, въ которой они были подарены <...>» (№ 4, л. 46).

Естественно, что умение собирать, накапливать никоим образом не выступает здесь аналогом того самого «плюшничества», столь поразившего Андрея Михайловича в характере сестры Варвары Михайловны. Накопление является процессом вторичным, следствием, логично проистекающим из этико-культурного императива — живописать историю рода, передать семейные традиции потомкам, в неприкосновенности сохранив главные мемориальные реликвии.

В завершение хотелось бы привести наиболее драматичный для Андрея Михайловича фрагмент, воплощающий в себе всю силу его семейной укоренённости и ту степень любви, которую он испытывал к родным ему людям. Речь идёт о внезапно возникшем непонимании между А. М. Достоевским и старшим сыном Александром при разговоре о личности Фёдора Михайловича:

Декабря 5го Среда <1884>

<...> Послѣ обѣда зашелъ довольно горячий разговоръ о Литературѣ, направленіи... и т. п., и Саша, (какъ я думаю сболтнулъ) — но тѣмъ не менѣ высказаль

Фрагмент письма Ф. М. Достоевского к А. М. Достоевскому от 13 марта 1876 г., л. 30.

ПРИМЕЧАНИЯ

Исследование выполнено при поддержке РГНФ: проект № 14-04-00094а.

- ¹ Здесь и далее в квадратных скобках приводится расшифрованный зачеркнутый текст, в косых скобках — вписанный текст.
- ² Цит. по: РО ИРЛИ. Ф. 56. № 387. Л. 29.
- ³ [Электронный ресурс]. URL: <http://philolog.petsu.ru/amdost/vospomin/vospomin.htm> (дата обращения: 22.08.2014).
- ⁴ Здесь и далее текст «Воспоминаний» цит. по: РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1 с указанием номера соответствующего листа в круглых скобках. Опубликовано: [Электронный ресурс]. URL: <http://philolog.petsu.ru/amdost/letters/letters.htm> (дата обращения: 22.08.2014).
- ⁵ Здесь и далее рукописные материалы дневников цит. по: РО ИРЛИ. Ф. 56. № 2-9, с указанием в круглых скобках шифра единицы хранения и номера листа через запятую. Опубликовано: [Электронный ресурс]. URL: <http://philolog.petsu.ru/amdost/diaries/diaries.htm> (дата обращения: 22.08.2014).
- ⁶ Цит. по: Достоевский А. А. Вступительная статья // Достоевский А. М. Воспоминания А. М. Достоевского. Л., 1930. С. 9.
- ⁷ См., например: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972-1990; Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. 1821-1881. СПб., 1999; Наседкин Н. Н. Достоевский: Энциклопедия. М., 2003; Белов С. В. Ф. М. Достоевский. Энциклопедия. М., 2010; Волгин И. Л. Хроника рода Достоевских. Родные и близкие. М., 2013.
- ⁸ Цит. по: РГБ. 93.П.4.19. Лл. 2-2 об.
- ⁹ Цит. по: РО ИРЛИ. Ф. 56. № 387. Л. 30.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Викторovich В. А. Экспедиция в Даровое (2005) // Летние чтения в Даровом. 2006. С. 101-106.